

УДК 801.733

Понятие «событие» в филологическом анализе текста: на перекрестке литературоведческого и лингвистического подходов

Баринава Екатерина Евгеньевна

Кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры гуманитарных наук,
Новосибирский государственный аграрный университет,
630039, Российская Федерация, Новосибирск, ул. Добролюбова, 160;
e-mail: barinova.e.e@gmail.com

Аннотация

На примере понятия событие в статье рассматриваются основные параметры разных подходов к анализу текста в лингвистике и литературоведении; ставится вопрос о степени интеграции данных подходов в рамках филологического анализа текста. Основной материал исследования – современные учебные пособия по анализу текста. При рассмотрении важных лингвистических и литературоведческих понятий (ситуация, мотив, концепт, хронотоп, континуум, речевая ситуация, субъектная организация и пр.) показаны взаимодействия и конфликт интерпретаций в этих двух дисциплинах, терминологические соответствия и несоответствия и т.д.

Ключевые слова

Филологический анализ, литературоведческий анализ, лингвистический анализ текста, событие.

Введение

В последнее время можно наблюдать тенденцию к сближению

методов лингвистического и литературоведческого анализа текста. Особенно часто мы встречаем эти методы рядом в рамках *филологического*

анализа текста, объединяющего языкознание и литературоведение для комплексного исследования речевых произведений, в том числе художественных. Считается, что формированию этого вида анализа как наиболее полного, комплексного исследования текста способствовали многие факторы: поворот лингвистики к содержательной стороне языка, интерес к концептуальному смыслу целостного текста, влияние логики, когнитологии, антропологической лингвистики, лингвостилистики и появления нового раздела дисциплины – лингвистики текста. В связи с введением в учебную программу гуманитариев нового курса «Филологический анализ текста» появляются специальные учебные пособия, призванные систематизировать накопленный в филологии научный материал и помочь в освоении научных методов аналитического исследования текста. На эти работы мы и будем преимущественно ссылаться (отдавая предпочтение методам анализа *художественного текста*), чтобы рассмотреть природу и степень взаимодействия лингвистических и литературоведческих методов анализа.

Анализируя содержание учебных пособий мы, в первую очередь, увидим неравнозначность представ-

ленности методов двух дисциплин. В работах, посвященных непосредственно проблематике *филологического* анализа текста (О. И. Ревуцкий, Л. Г. Бабенко; Н. А. Купина, Н. А. Николина, Б. Г. Бобылев и др.) методы литературоведческого анализа зачастую входят в состав общепилологических только в качестве частных, вспомогательных [Бабенко, 2005, 496; Болотнова, 2007, 520], несмотря на то, что *анализ художественного текста* представляет собой особую литературоведческую дисциплину как самостоятельную область литературоведческого познания [Тюпа, 2009, 340]. Иногда, напротив, используемый автором понятийно-терминологический аппарат позволяет говорить о преобладании литературоведческого подхода в аналитических методах [Бахтин, 1975, 234-407]. При этом учет и соположение двух разных подходов «в теории» не всегда позволяет говорить об их синтезе при непосредственном анализе конкретных текстов.

Более пристальное внимание к основным понятиям двух дисциплин позволяет обнаружить как некоторые несоответствия при параллельном рассмотрении терминов, так и глубинную общность отдельных понятий, несмотря на разницу в терминологи-

ческом оформлении. Для сопоставления подходов мы выбрали понятие *событие*, которое не является строго специальным термином для лингвистики и литературоведения, но как категория – концептуально оформлен в обеих этих дисциплинах.

Основные методы анализа текста

Сегодня различают несколько основных видов анализа художественного текста: *лингвистический* – раскрытие значения различных элементов языка с целью полного и ясного понимания текста; *стилистический* (наиболее близкий к литературоведческому) – изучение общезыковых и индивидуальных образных средств текста; *литературоведческий* анализ – изучение художественного произведения как продукта национальной культуры [Данилевская, 2006, 197].

Специфика лингвистических приемов наиболее полно освещена в специальных работах по лингвистической интерпретации художественного текста (Л. Г. Бабенко, И. Р. Гальперин, В. А. Лукин, Л. А. Новиков, Л. В. Поповская и др.). Своеобразным переходным методом анализа можно назвать *лингвостилистический* анализ художе-

ственного текста, предметом которого «служит языковая организация текста, а именно связи и отношения единиц разных уровней, в единстве выражающих ту или иную линию эстетической концепции произведения» [Там же, 195-196]. Основная его цель – «рассмотрение художественного произведения как организованной системы языковых средств, отражающей определенное идейно-тематическое, образное и эстетическое содержание текста в их общих и особенных чертах» [Там же].

Специальные работы, посвященные системному описанию методов литературоведческого анализа не очень многочисленны (А. Б. Есин, Ю. М. Лотман, В. И. Тюпа, А. Я. Эсалнек и др.). В качестве предмета литературоведческого («семиоэстетического») анализа указывают, например, «равнопротяженную тексту совокупность факторов художественного впечатления, которая... призвана актуализироваться в художественную реальность определенного типа (модуса художественности)» [Тюпа, 2009, 34]. Уровни такого анализа представлены в двух проекциях: «в проекции эстетической актуализации текста (полюс смысла) и в проекции знаковой манифестации произведения (полюс текста)» [Там же, 36].

В целом, несмотря на общий объект исследования – текст, предмет и задачи изучения не равнозначны для разных дисциплин: лингвистика более ориентирована на «полюс текста», литературоведение – на «полюс смысла». На примере категории *событие* постараемся увидеть некоторые тенденции интеграции этих подходов, реализуемые в удачных и не очень удачных попытках их сближения.

Понятие событие в лингвистике и литературоведении

С философских позиций *событием* называется «любое явление, которое, свершаясь, индивидуализируется в своей уникальной и неповторимой сущности и даже обретает собственное имя» [Подорога, 2001]. В семиотической интерпретации текста «присутствие события в текстовой реальности опознается на основе развертывания цепи “случайных” событий в сюжетную структуру» [Там же]. Онтологический статус события сопряжен с топологическими и темпоральными характеристиками и предполагает наличие участников события. Гносеологические его признаки являют себя в реакции субъектов, воспринимающих

или интерпретирующих происходящее, рефлексии и оценке. Т.о., событие как фрагмент денотативного пространства представлено в языке в виде ряда номинаций (событийные и процессуальные предикаты, собственно событийная лексика и т.д.); в речевых произведениях обретает модальность и обнаруживает свои коммуникативные характеристики; в художественном тексте значимо как единица сюжета, позволяющая полнее раскрыть «эстетическое целое героя» и охарактеризовать своеобразие поэтики произведения.

Как видим, понятие *событие* может быть рассмотрено с разных позиций. Различаются даже сами механизмы выделения конкретного события в тексте на первом этапе литературоведческого или лингвистического исследования. Для лингвиста наиболее существенными маркерами будут *ключевые слова* как лексические репрезентанты *текстового концепта* (событие), причем ключевые слова и концептосфера в целом помогают определить *семантику* текста [Бабенко, 2005, 55]. Здесь сразу укажем на то, что и в формулировке цели используются разные понятия: в литературоведческом анализе выявляется не *семантика*, а *идейное* или

художественное содержание. И ключевые слова для литературоведа, скорее, – поверхностные маркеры, выступающие ориентирами в определении ключевых событий, художественных образов, лейтмотивов и т.д. Здесь актуальнее не значения, а смыслы, привлекаемые не столько из *текста* как семиотического объекта, сколько из вымышленного писателем *мира*, который «возникает» каждый раз при прочтении, восприятии текста. Смысл произведения находится вне языка: «литературоведа в первую очередь как раз и интересует сфера обозначаемого (структура элементов опыта), а лингвистический анализ нужен ему лишь постольку, поскольку он помогает обнаружить очертания и пределы этой сферы» [Степанов, 1980, 203].

Добавим, что этот (смысловой) акцент является часто причиной недоверия к литературоведческим аргументам, основанным на оперировании абстракциями более высокого порядка, не явленным конкретно и непосредственно в тексте. Для примера приведем цитату, показывающую критику подобного подхода, который начинает актуализироваться и в лингвистике текста. «Можно в целом поддержать предложенную Н. С. Болотновой классификацию

текстовых единиц, основанную на функционально-коммуникативном подходе, хотя для практического анализа использовать ее достаточно трудно... в связи с тем, что они (текстовые единицы) *фактически выделяются на содержательном основании и за ними не закреплены репрезентирующие их текстовые структуры*» [Бабенко, 2005, 40]. Поэтому в большинстве работ по филологическому анализу текста событие прежде всего рассматривается как категория *текстообразования*, имеющая специфические средства выражения. «Событие – это текстовая категория, которая связана с описанием различных действий субъекта и объекта в определенном пространстве и времени» [Болотнова, 2007, 331].

При этом в лингвистике введен еще один, родовой (по отношению к *событию*) термин *ситуация*, соотносимый с фрагментом действительности как экстралингвистическим текстообразующим фактором. Таким образом, в поле внимания оказывается денотативное пространство текста – это «воплощенное в тексте индивидуально-авторское знание о мире, представленное в интерпретированном отображении глобальной ситуации, состоящей из макроси-

туаций и микроситуаций, связанных определенными отношениями и в совокупности раскрывающих главную тему литературно-художественного произведения. (...) Глобальная *ситуация* имеет характер *события* и связана с раскрытием главной темы в целостном тексте...» [Там же, 89].

Для литературоведа важно не дробление текста на *ситуации*, репрезентируемые разными по объему *отрезками текста* (эпизодами), – в фокусе внимания оказывается понятие *фабулы и сюжета*. В данном случае события как дискретные единицы сюжета (по Ю. М. Лотману) наделены определенным смыслом и определенной временной и причинно-следственной упорядоченностью. «Сюжетосложение представляет собой авторское, художественно-целесообразное изложение фабулы данного произведения...» [Тюпа, 2009, 41]. На уровне текста сюжет можно представить в виде последовательности эпизодов: «цепь воображаемых событий манифестируется системой эпизодов, которые слагаются в сплошную цепь участков текста, характеризующихся тройственным единством: а) места, б) времени и в) действия, точнее – состава актантов (действующих лиц или сил)» [Там же]. Здесь мы также уви-

дим различие в целях анализа, основанное на усилении внимания к семиотическому или эстетическому. Если в лингвостилистике исследуется, каким образом один и тот же смысл может быть представлен разными лингвостилистическими средствами, то для литературоведа интересны различные варианты художественного изложения одной и той же фабулы, которые порождают разные эстетические эффекты.

В отличие от литературоведения, где целостность текстов связывалась прежде всего не с языковым выражением связанности, а со сферой денотатов (точнее, соотносилась с созданным писателем «художественными миром» (Д.С. Лихачев)), в языкознании долго время процессам референции уделялось мало внимания: «для лингвиста целое – это связанный текст, для литературоведа целое – это фрагменты действительности, запечатленные в тексте...» [Степанов, 1980, 203]. Сегодня в лингвистике текста денотативный подход призван выявить отображенный в тексте фрагмент объективного мира, и специфика денотативного пространства текста видится в том, что «оно имеет конкретную референциальную форму, обнаруживающуюся в системе конкрет-

ных персонажей, и актуализировано во времени и пространстве» [Бабенко, 2005, 98].

Анализ события невозможен без учета понятий *человек, время и пространство*. В лингвистике они также рассматриваются как основные атрибуты *семантического пространства* текста – как текстовые универсалии и важнейшие *текстобразующие категории*. «Эта (текстобразующая) функция обнаруживается в пространственно-временной организации художественной реальности как условной, вымышленной или близкой реальному миру, в организации системы образов персонажей, в установлении позиции автора по отношению к изображаемому миру» [Там же, 54]. Система персонажей (актантов), рассматривается наиболее системно именно в литературоведении, при этом важно «*эстетическое целое героя*», равно как и *художественные характеристики хронотопа*, не выводимые напрямую из набора языковых средств, используемых писателем.

Далее обратимся к следующей цитате: «Для обозначения неразрывной связи времени и пространства, воплощенной в художественном тексте, используются термины «хронотоп» (преимущественно в литературоведении)

и «континуум» (в лингвистике текста). По определению М. М. Бахтина, хронотоп – это «существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений» [Там же, 94]. В данном случае мы видим непосредственное сопоставление казалось бы равнозначных терминов двух дисциплин. Но если обратиться к более полной бахтинской формулировке, то мы увидим, что в литературном произведении важны не сами по себе топос и время, а «взаимосвязь временных и пространственных отношений, *художественно освоенных* в литературе» [Бахтин, 1975, 234] и всегда включающих в себя «ценностный момент». Термин *континуум* несет в себе другую смысловую нагрузку: «Эта категория имеет *текстовую природу*, потому что воплощается в целостном тексте: осуществляя изображение течения времени в изменяющемся пространстве... она, как утверждает И.Р. Гальперин, требует более крупного *отрезка текста*, чем предложение, она является результатом синтеза связности, линейности и прерывности и обнаруживается в развитии *сюжета*» [Бабенко, 2005, 94]. Континуум реконструируется при обнаружении лексических экспликаторов художественного пространства, далее «анализ их семан-

тики в соотнесенности с развитием *сюжета* позволяет говорить о моно-топической и политопической структурах литературно-художественного пространства [Там же, 110]. В литературоведении же мы наблюдаем своеобразную инверсию этого алгоритма, когда лексемы сами по себе не рассматриваются – топосы выделяются в *художественной реальности*, причем не все они художественно значимы. При этом в данном случае литературовед естественно подкрепляет свои наблюдения примерами из *текста*, а лингвист нуждается в уточнении операции перехода от текстовых категорий к литературоведческой категории *сюжета*, который сам по себе не обнаруживается в совокупности лексем или текстовых отрезков.

Представим далее еще одну из литературоведческих интерпретаций событийности. По И. В. Силантьеву событие является реализацией *мотива* в повествовании. Мотив «может войти в состав конкретного повествования только в форме *события*, события, представляющего собой слияние двух начал – фабульного действия и персонажа...» [Силантьев, 2009, 21]. В данной сюжетологической теории, через понятие мотив, напротив, происходит абстрагирование от события как фраг-

мента денотативного пространства. «Мотив как таковой является *единицей повествовательного языка* фольклорной и литературной традиции. Взятый на уровне своего системного языкового статуса, мотив находится *вне состава* определенных повествований и тем более текстов. Поэтому говорить о том или ином мотиве как о непосредственной составляющей конкретного повествования так же некорректно, как говорить о лексеме (обобщенной лексической единице) в составе конкретного в своих словоупотреблениях высказывания» [Там же, 20-21]. Как видим, этот путь поиска инвариантов повествования соотносим с традиционной для лингвистики дихотомией язык-речь, таким образом в данном случае речь идет о своеобразной системности повествовательного языка.

Также попытаемся сопоставить неоднозначные в плане сравнения понятия *концепт* и *мотив*, о которых упоминалось выше. Так, рассматривая *мотив встречи* и определяя актуальный смысл событий встречи в конкретных произведениях Пушкина, И. В. Силантьев приходит к такому выводу: «...Общий сюжетный смысл «пушкинских» встреч сигнализирует об идее мира в его изменчивом и событийно продуктивном состоянии,

и говорит о том, что широта и незапланированность перемен этого мира, принципиально несводимая к личным намерениям и действиям героя, расширяет сущностные границы жизни героя до пределов его судьбы» [Там же, 25]. Добавим, что теоретически, *мотив* встречи (и, вероятно вообще различные мотивы) может быть соотнесен с *концептом* встречи, а вот обратный «перевод» не всегда возможен. Так, можно выделить концепт «дом» или концепт «жизнь», но не мотивы с такой номинацией (в литературоведении это соотносимо с *темой* или *идеей*).

Для иллюстрации специфики лингвистического ракурса приведем фрагмент анализа текстов Пушкина сквозь призму концепта *жизнь*. «Итак, ядро концептосферы «жизнь» в лирике А. С. Пушкина составляет когнитивно-пропозициональная структура, выявленная путем обобщения основных семантических позиций при глаголе жить. (...) Анализ и обобщение всех поэтических контекстов «позволяет представить концептосферу «жизнь» в виде поля, ядром которого является обобщенная когнитивно-пропозициональная структура. Приядерную ее зону составляют вербализованные когниции –

основные лексические репрезентации когнитивно-пропозициональной структуры, ближайшую периферию – образные номинации, а дальнейшую периферию – субъективно-модальные смыслы» [Бабенко, 2005, 77, 84]. Мы опять здесь видим свою сложившуюся понятийно-терминологическую традицию, выделение разных аспектов предмета исследования и решение разных аналитических задач.

Касаясь вопроса прагматики, также необходимо отметить специфику двух подходов. Для демонстрации этой специфики приведем цитату из сюжетологического исследования: «...Мотив соотносим с сюжетом в плане прагматики события, в плане того конкретного смысла и интенции, которые событие обретает в сюжете. Лингвистическая прагматика понимает под интенцией *коммуникативную задачу*, решаемую партнерами по коммуникации в процессе общения. (...) Сюжетная интенция события, построенного на определенной мотивной основе, носит *эстетический характер*» [Силантьев, 2009, 21]. В коммуникативном аспекте исследования важно определение субъектов речи. В литературоведении в данном случае кроме событий, о которых рассказывается, выделяется также второй

(«внешний») событийный ряд – событие самого рассказывания. «Первое необходимое разграничение этих факторов состоит в различении двойкой организованности всего знакового материала литературного текста: субъектной (кто говорит и как говорит) и объектной (о чем говорится и что именно)» [Тюпа, 2009, 35].

Если в анализе художественном повествования важна субъектная организация, то в лингвистике анализируются *речевые ситуации*, под которыми понимают условия и обстоятельства речевого общения [Болотнова, 2007, 322]. При рассмотрении текста как аналога речевого акта учитываются такие его прагматические параметры, как автор и адресат, коммуникативные установки (интенции) и перлокутивный эффект. Таким образом, наряду с категорией персонажа как текстообразующие рассматриваются категории *автора* и *адресата*, имеющие особые способы репрезентации в тексте. Данные аспекты актуальны и в *эстетической* коммуникации, протекающей в «читательском времени». «Субъектная организация факторов художественного впечатления состоит из *нелингвистической* упорядоченности лексических, синтаксических и фонологических единиц речи, об-

ращенной к тому внутреннему слуху читателя, каким эстетический адресат текста ментально внемлет его смыслу» [Тюпа, 2009, 36].

Влияние коммуникативного подхода особенно значимо в теории повествования (нарратологии), сосредоточенной не только на фикциональных субъектах повествования, но и реальных участниках эстетического коммуникативного события. Последовательное различение автора как реального человека-творца произведения и фикционального нарратора, разработанное в нарратологии, как правило не всегда принимается во внимание в лингвистических исследованиях. Например, более известный традиционный термин «лирический герой» используется в практике лингвистического анализа лирического произведения, но при рассмотрении прозаического текста это различие иногда пропадает. Так, несмотря на отмеченное в теории «принципиальное различие автора произведения и повествователя или рассказчика...» [Николина, 2003, 95] в практике анализа конкретного произведения возможны отступления от этого положения: «В ней («Степи») средства передачи точки зрения персонажа взаимодействуют с разнообразными средствами вы-

ражения *авторской позиции*. В тексте повести выделяются фрагменты... в которых *прямо* выражаются авторские оценки и наблюдается концентрация речевых средств лирической экспрессии...» [Там же, 107]. Писатель не являет себя полностью в тексте произведения, также как и рядовой носитель языка не являет всего себя в речи.

Заключение

Итак, мы описали ряд терминов (иногда только поверхностно сопоставимых), используемых в лингвистике и литературоведении при анализе событийности. Чаще всего мы сталкиваемся с ситуацией, когда понятия при различной терминологической оформленности оказываются довольно близкими. И иногда возможен «перевод» с одного дисциплинарного языка на другой. В заключение, попробуем перевести на язык литературоведения, следующую цитату: «Для текстовых ситуаций могут быть характерны обобщенность, неразвернутость или, наоборот, излишняя детализация, конкретизация, развернутость описания ситуаций в самых разных аспектах. В репрезентации их обнаруживаются разные уровни обобщения и конкретизации с разных точек зрения, позиций

и в разных аспектах. Последовательность ситуаций может соответствовать реальному их следованию, а может быть произвольной, нарушенной или может прямо не эксплицироваться. В тексте может быть дана различная интерпретация одной и той же ситуации...» [Бабенко, 2005, 92]. В первом предложении речь идет о разграничении *повествования* (динамический, собственно событийный аспект произведения) и *описания* (статика), влияющих на динамику разворачивания сюжета и особенно важного в нарратологической отрасли литературоведения. Во втором предложении говорится, по сути, о литературоведческих понятиях *точка зрения* и *фокализация*; далее – о соотношении понятий *фабула* и *сюжет*; и последняя фраза соотносима с бахтинским термином «полифония». Так или иначе все эти понятия связаны с категорией события, которая по-разному концептуально осмысливается в обеих дисциплинах.

О границах лингвистического и литературного анализа текста писали многие, и в общих чертах водораздел уже давно проведен. Но границы со временем меняют очертания, и появляются различные трактовки новых дисциплинарных контуров и траекторий междисциплинарного вза-

имодействия. Мы попытались сделать небольшой актуальный срез и на некоторых конкретных примерах показать области и уровни взаимодействия двух ведущих филологических дисциплин. Еще 30 лет назад В. Г. Степанов писал о принципиальном различии методов литературоведения и лингвистики, но уже отмечал, что «движение литературоведения и лингвистики навстречу друг другу... стимулируется единством объекта изучения – текста и стремлением найти оптимальные способы его изучения» [Там же, 202-203]. Подводя итоги, можно отметить, что полноценной интеграции в рамках

анализа текста еще не произошло. Но центростремительное движение этих двух наук ориентировало лингвистику на движение к раскрытию смыслов, а литературоведение – на движение к уточнению и упорядочиванию понятийно-терминологического аппарата через поиск инвариантов «повествовательного языка», манифестированного в различных художественных произведениях. Возможно, некоторые из этих констант помогут в поиске и определении текстовых инвариантов в лингвистике текста, в которой еще не найдены операторы более высокого уровня абстракции.

Библиография

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
2. Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник. Практикум. – 3-е изд. испр. – М.: Флинта; Наука, 2005. – 496 с.
3. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худож. лит., 1975. – С. 234-407.
4. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста: учеб. пособие. – М.: Флинта; Наука, 2007. – 520 с.
5. Данилевская Н.В., Кожина М.Н. Лингвостилистический анализ художественного текста // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – М.: Флинта; Наука, 2006. – С. 195-204.

6. Лотман М.Ю. О поэтах и поэзии: Анализ поэтического текста. – СПб.: Искусство-СПб, 1996. – 846 с.
7. Николина Н.А. Филологический анализ текста: учеб. пособие. – М.: Академия, 2003. – 256 с.
8. Подорога В.А., Стёпин В.С. Событие // Новая философская энциклопедия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iph.ras.ru/elib/2779.html>
9. Силантьев И.В. Сюжетологические исследования. – М.: Языки славянской культуры, 2009. – 224 с.
10. Степанов В.Г. О границах лингвистического и литературоведческого анализа художественного текста // Серия литературы и языка. – 1980. – Т. 39. – № 3. – С. 195-204.
11. Тюпа В. Анализ художественного текста: учеб. пособие. – 3-е изд., стереотипное. – М.: Академия, 2009. – 340 с.

The notion of "event" in a philological analysis of the text: at the crossroads of literary and linguistic approaches

Barinova Ekaterina Evgen'evna

PhD (Philology),

Senior Lecturer of the Department of Humanities,

Novosibirsk State Agrarian University,

160 Dobrolyubova str., Novosibirsk, 630039, Russian Federation;

e-mail: barinova.e.e@gmail.com

Abstract

By the example of the notion event the different approaches to text analysis in linguistics and literary criticism are under review. We raise the question of the integration of these approaches within the philological text analysis. The main study material are the modern textbooks on text analysis, designed to systematize and synthesize various analytical methods. Many different methods are collected and

systematized; nevertheless, when considering the terms and concepts, the lack of real synthesis becomes apparent.

Considering the important linguistic and literary concepts, we show the interaction and conflict of the interpretations in these two disciplines, terminological equivalence and lack of correspondence, etc. Despite the single object of study and the general goal – to understand and explain the text as a cultural phenomenon, the subject and tasks of analysis, and therefore its mechanisms in linguistics and literary studies, differ. However, interdisciplinary contacts are growing, the paper reveals the areas of possible deeper interconnection in certain specific examples.

Keywords

Philological analysis, literary analysis, linguistic text analysis, event.

References

1. Arutyunova, N.D. (1988) *Types of linguistic meanings: Evaluation. Event. Fact* [*Tipy yazykovykh znachenii: Otsenka. Sobytiye. Fakt*], Moscow: Nauka, 341 p.
2. Babenko, L.G. (2005), *Linguistic analysis of literary text. Theory and practice* [*Lingvisticheskii analiz khudozhestvennogo teksta. Teoriya i praktika*], Moscow: Flinta; Nauka, 496 p.
3. Bakhtin, M. (1975), Forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics [Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoi poetike], in *Questions of literature and aesthetics* [*Voprosy literatury i estetiki*], Moscow: Khudozhestvennaja literatura, pp. 234-407.
4. Bolotnova, N.S. (2007), *Philological text analysis* [*Filologicheskii analiz teksta: uchebnoe posobie*], Moscow: Flinta; Nauka, 520 p.
5. Danilevskaya, N.V. (2006), Linguo-stylistic analysis of literary text [Lingvostilisticheskii analiz khudozhestvennogo teksta], in *Stylistic Encyclopedic Dictionary of Russian* [*Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo yazyka*], Moscow: Flinta; Nauka, pp. 195-204.
6. Lotman, Yu.M. (1996), *On poets and poetry: analysis of the poetic text* [*O poetakh i poezii: Analiz poeticheskogo teksta*], Saint-Petersburg: Iskusstvo-SPb, 846 p.

7. Nikolina, N.A. (2003), *Philological analysis of the text* [*Filologicheskii analiz teksta: uchebnoe posobie*], Moscow: Academiya, 256 p.
8. Podoroga, V.A. (2001), Event [Sobytie], *New Encyclopedia of Philosophy*, available at: <http://iph.ras.ru/elib/2779.html>
9. Silant'ev, I.V. (2009), *Subjectological studies* [*Syuzhetologicheskie issledovaniya*], Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 224 p.
10. Stepanov, V.G. (1980), On the limits of linguistic and literary analysis of fiction text [O granitsakh lingvisticheskogo i literaturovedcheskogo analiza khudozhestvennogo teksta], *Seriya literatury i yazyka*, Vol. 39, No. 3, pp. 195-204.
11. Tyupa, V. (2009), *Analysis of fiction text* [*Analiz khudozhestvennogo teksta*], Moscow: Academiya, 340 p.